

Дочь в его жизни возникла 6 июля. Он хорошо запомнил дату, так как именно в этот день на растрескавшемся цементном полу забитого кирпичным ломом полутемного нежилого подвала обнаружили Славку Тимохина, вернее то, что когда-то Славкой являлось.

Тусклый свет стекал из широкого пролома в перекрытии между подвалом и первым этажом незавершенного и никогда уже не могущего завершиться здания гигантского спорткомплекса, строительство которого было затеяно как раз в канун великой всесоюзной перестройки, и освещал тело, пролежавшее в духоте бетонного мешка не менее суток, так сказали подъехавшие менты. Сказали предположительно, естественно. И естественно, никаких игр в тот день уже не проводилось, как, впрочем, и в последующие.

Был ли Славка ему другом? Пожалуй, да. И еще Тимохин был хорошим мужиком — без второго дна, истеричных амбиций и патологической тяги напакостить по мелочи ближнему, каковой нынче в среде успешных наемных служащих страдают многие.

Но Леонид почему-то не удивился, когда, пройдя за ворота комплекса и заметив испуганную нервозность ребят из охраны

и кого-то еще из сервисной службы, узнал о случившемся. Хотя для вышеперечисленных не несчастьем это являлось, а гнусной подставой, реально грозящей увольнением, судебным преследованием, лишением лицензии и прочее, и прочее.

Леонид подоспел как раз к тому моменту, когда тело Тимохина, упаковав в скользкий черный полиэтилен, вытягивали на ремнях к свету, но Тимохину это было все равно.

Лёня постоял возле полосатой ленты, отделявшей место тимохинской смерти от прочего мира, послушал, о чем переговариваются опера и что им талдычит в ответ местный распорядитель Генка Балыкин, отбиваясь от цепких вопросов.

По всему было видно, что в подвал Тимохин свалился этажа этак с третьего, раскроив себе череп и переломав конечности, а туда игрокам вход строжайше был запрещен. Члены пейнтбольного клуба при поступлении давали администрации расписку, что поставлены в известность об опасности обрушения и прочих катастроф, в связи с чем обязуются выполнять правила безопасности и перемещаться только в отведенных для игры местах.

Видимо, Тимохин, вопреки правилам, решил осмотреть с высоты пространство боя, чтобы заранее наметить укрытия и ловушки.

Оправившийся от потрясения Балыкин бодро втирал ментам, что «Вымпел» – это спортивный клуб, а не режимное предприятие, поэтому никакого учета входящих-выходящих не ведется, а предъяви просто на КПП членский билет и следуй дальше. Чисто случайно тело обнаружили, считай, повезло. А то на такой жаре... Но клуб реально ни при чем! И рвался показать расписки.

Долговязый опер, задрав голову, рассматривал крошащиеся оконные проемы и языки балконных плит и какие-то металличе-

ские хлипкие конструкции на уровне четвертого этажа, оставшиеся от строителей. На наружных карнизах зеленели мелкими листочками молодые то ли топольки, то ли осинки, укоренившиеся в худосочном грунте многолетней пыли. Местами высота здания достигала шестого этажа, изредка только второго или третьего, кое-где часть стены отсутствовала вовсе, демонстрируя сторонним зрителям бетонные внутренности с лестничными пролетами, лифтовыми шахтами и перекрытиями между этажами. Крыши не было совсем, поэтому здание сильно напоминало крепость на дальней римской окраине после успешного штурма варваров.

Этот долгострой вместе с прилегающей площадкой в свое время кто-то предприимчивый выкупил, огородил высоким забором, выстроил проходную и раздевалку, повесил при въезде табличку «Пейнтбольный клуб «Вымпел», и на этом все его затраты закончились, если не считать закупку средней паршивости спортивного инвентаря, который выдавался в прокат на сезон или на конкретный турнир. Но уважающий себя пейнтболист на игру приходит со своим инвентарем, а Ярослав Тимохин как раз таковым и являлся.

Он служил топ-менеджером в какой-то крупной то ли голландской, то ли немецкой фирме, стригущей урожай зелени на московской земле. Он был вполне обеспеченным человеком, чтобы позволить себе достойную машину и не жалеть денег на хорошее снаряжение. Говорят, его «БМВ» на стоянке рядом с комплексом обнаружен не был. Бросил в другом месте? Приехал на троллейбусе?

Не нравилось все это Леониду. Он вспомнил, как недавно они сидели в какой-то совсем не статусной забегаловке и пили кислое пиво из литровых пластиковых стаканов. Вернее, пил Славка,

а Леонид его слушал. Разговор оставил тяжкий осадок, и облегчения он Тимохину не принес. А может быть, и принес. Все-таки Славка выговорился тогда.

Скорее всего, он бы не стал ничего Леониду рассказывать, тем более что тот не напрашивался. Но на выходе из КПП, когда после игры разношерстный пейнтбольный люд, кто, огрызаясь, кто, похохатывая, не спеша шел разбирать свои авто и байки, оставленные на платной стоянке возле бетонного забора, Тимохина перехватил парень, одетый не по летней жаре в серый костюм и черный галстук, а приятель парня неторопливо подошел со спины. Они были сдержанны, а Тимохин, напротив, психовал.

Из распахнутой настежь двери проходной выдвинулся плечом старик-гардеробщик и тревожно вслушивался, вытянув морщинистую тощую шею. И охранник, бродивший вдоль шлагбаума стоянки, напрягся и с показным равнодушием принялся что-то изучать совсем в другой стороне, но было ясно, что он тоже прислушивается, одновременно для себя решая вопрос, что ему надлежит делать, в случае чего. Похоже, что мальчики в сером – послы от кого-то серьезного.

Лёня тоже понял, что Славку прессуют, и хотел подойти, чтобы помочь отбиться. Но их беседа внезапно завершилась, парни развернулись и не спеша пошли к своей тачке, а один из них, на ходу приложив к уху мобильник, проговорил скучным голосом: «Скажи Фогелю, что клиент от услуг отказался».

И все, ситуация рассосалась. А Ярослав сказал подошедшему Леониду: «Давай по пивку», и руки его дрожали.

Это был последний раз, когда Лёня его видел. Сегодняшний – не считается.

В состоянии мрачной задумчивости Леонид поехал домой. Куда же еще? Домой, к Кнопке. Но он не станет ее грузить событиями дня. Хотя с ней поговорить хочется, и не мешало бы, но он перетерпит. Потому что он мужик, а мужику не следует взваливать проблемы на женские плечи.

Шурша шинами, его «Тойота» скатилась в подземный гараж.

Леонид машину запер, отметив, что «мерс» жены на месте, значит, она дома и ждет. Поднявшись по пологой бетонной спирали наверх, он грузно пошел через ухоженный двор к подъезду новенькой, чистенькой стильной двадцатичетырехэтажной жилой башни.

Дома его ждал сюрприз в виде щекастой веснушчатой особы в сиреневых штанах и розовой выше пупа маечке, обильно украшенной россыпью стразов.

Особу звали Юлечка. Лела их представила друг другу. Она так и сказала:

— Познакомься, Леонид, это твоя дочь Юлечка. Ей пошел двадцатый годик, и она страшно соскучилась по тятю.

Лела так сказала и, обогнув его по дуге, вышла из кухни, где, звонко разбалтывая в чашке сахар, осталась сидеть за столом его внезапная дочь.

Дочь прищурила в улыбке глаза и растянула губы, ожидая, видимо, от него каких-то действий, какого-то проявления радости или, возможно, восторга.

Леонид ничего такого не выказал, а развернулся и отправился разыскивать жену.

Лелу он нашел в библиотеке, где та с незаинтересованным видом и прямой спиной изучала что-то в своем ноутбуке.

– Слышь, Кнопка, я ее в первый раз вижу! – недоумевающе прогудел Леонид и для убедительности помотал головой, пожал плечами и развел руками.

Валерия развернулась всем корпусом и взглянула на мужа насмешливо и отстраненно. Он ненавидел, когда она так смотрит, и всегда начинал злиться, чувствуя свое бессилие перед демонстрацией высокомерного безразличия. Но только не сегодня. Сегодня ему было по фигу, как она смотрит. Сейчас было важно не допустить катастрофы, потому как, ему понятно, внезапное появление в жизни женатого мужика внебрачной дочери грозит семье нештучным катаклизмом.

– Ты хоть паспорт ее смотрела? – с раздражением спросил Леонид, не вытерпев паузы.

– Ну а ты как думаешь? – холодно улыбнувшись, проговорила жена.

– И что?

– Что – что? Мне ее имя ни о чем не говорит. Но родом она из твоего города.

– Из Глыбокоречинска?

– В точку.

– А фамилия у нее какая?

– Слушай, иди поговори с ней сам. Что ты ко мне пристал? Лепехина ее фамилия.

– Ничего не понимаю. Не помню я никакой Лепехиной.

Валерия дернула плечом и отвернулась. Разговор не доставлял ей удовольствия. Разговор ее мучил. Как и вся история с неожиданной Лёнькиной дочкой.

Лера не представляла, как по этому поводу ей следует вести

себя с мужем, не знала, как вести себя с этой дочкой, и вообще не знала, как нужно себя вести в подобной ситуации. Но очень хотелось выволочь девку в лифтовый холл, дав хорошего пенделя напоследок, а мужа треснуть по башке разделочной доской.

Зачем только она позволила ей войти, остаться, налила ей чаю?.. Надо было гнать, надо было ее так доходчиво гнать, чтобы не посмела она больше искать Леонида, а найдя, жаловаться на злобную мегеру — его жену.

Но Лера с гордым и тяжким смирением пригласила девчонку войти и налила ей чаю.

По-другому она рассчитывала провести сегодняшний вечер, по-другому. Лёня пришел бы с игры часов в пять, принял душ и переделся в чистое, а потом они бы сели неспешно ужинать. Лера любила их субботние ужины, и Лёня тоже их любил.

До замужества она не утруждала себя возней у плиты, но для этого мужчины научилась готовить и делала это превосходно, как и все, за что бралась.

Сегодня она воспроизвела сложный мясной рулет из трех видов мяса, и приготовила к нему рассыпчатый рис, блестяще-жгуче-золотой от сливочного масла и индийских пряных приправ, и припасла бутылочку красного сухого, чтобы было чем заливать огненные приправы. Но тут возникла эта Юля, и все пошло кувырком. Нет, прахом.

У них с Лёней хорошая семья. Несмотря ни на что.

Лера не пряталась от правды и верно себя оценивала — ее тяжело вынести в больших количествах, с ней трудно ужиться. Однако семья получилась хорошая. Просто Валерии повезло, и ей встретился этот человек. Хотя когда он принялся ее обхаживать,

Лера не верила, что может что-то получиться и у нее будет семья. Слишком завышенные требования ко всем, а к мужчинам — в первую очередь, и слишком своевольный нрав не давали ей никакого шанса.

Она давно привыкла решать свои проблемы сама, и ей даже было смешно представить, что какой-то тип в мятых джинсах начнет вмешиваться в ее дела и путаться под ногами с неуместными и раздражающими командами. Да хоть бы и не с командами, а лишь с советами, произнесенными вкрадчивым тоном.

Однако кто сказал, что будет именно так, а вовсе не наоборот?

Лера тоже превосходно умеет давать команды. И она согласилась выйти за Воропаева замуж. А выйдя, принялась энергично воплощать свою модель семейной жизни в реальность.

Леонида не напугало, что новобрачная приступила верховодить, с ходу определив супругу роль бессловесного ведомого. Он не пузырился, отстаивая право на главенство, не подводил идеологию, по-интеллигентски рассуждая о том, что глава семьи — это мужик и только мужик. Ни ее безапелляционные указания, ни даже окрики, которыми поначалу она частенько грешила, на него не действовали никак. Он был иронично-благодушен и в этом благодушии непробиваем. Тихонько над женой посмеиваясь, поступал, как считал нужным, ловко поворачивая ситуацию по-своему. Но самодуром не был, свобод и прав жены не попираал, уважал ее мнение и потакал капризам.

Да, у них практически идеальная семья. Однако в том, что семья их стала именно такой, не одного Леонида заслуга, но и жены его тоже, поскольку она была, во-первых, умной, а во-вторых, прагматичной.

Она криво усмехалась, слышав рассуждения о любви, скрепляющей семейные узы. Видели мы эти союзы, начавшие жить по любви... Трезвый расчет и аккуратное соблюдение собственной выгоды — вот лучший цемент для доброго брака. Леонид ей, конечно, нравился, и этого довольно.

Поэтому, посоветовавшись со своим прагматизмом, Лера приняла решение к домострою приспособиться. Исключительно ради собственной выгоды.

Она отнюдь не превратилась в ласковую кису, которая трется шелковистыми щеками о протянутую хозяином ладонь. Все осталось при ней — и прямотушие, и независимость суждений. Даже резкость, как стиль общения, тоже осталась при ней.

Чтобы муж не зарывался, она время от времени устраивала микросклоки, хотя исход их часто был предreshен. Справедливости ради надо заметить, что подобные разминки никак не отражались на климате в семье. Похоже, что Леонид относился к ее выходкам с благодушием взрослого, на которого набросился сердитый карапуз с погремушкой.

Валерию это задевало. Ей было непросто принять статус младшего, ведомого. И ломки ее настигали, и обижалась, и слушаться мужа не хотела, потому что гордость противилась, даже когда он бывал прав.

Но она сказала себе: «Что ты все ноеешь? Хочешь — разведись. Снова станешь себе хозяйка. И никто не будет попирать твое эго».

И сама себе ответила: «Ну, если ты так ставишь вопрос, то я лучше останусь. Фиг с ним, с моим эго. Главное, у меня хороший муж, и он меня уважает».

Уважает ли?

Она прислушалась к голосам, доносившимся с кухни.

Леонид бубнил басом, что-то выпрашивая у незваной гостьи. В голове никак не укладывалось, что у ее мужа есть дочь, и эта дочь сейчас что-то оживленно ему рассказывает и строит умильные рожицы, стараясь понравиться.

Муж вернулся в библиотеку, держа возле уха телефонную трубку. Видимо, хотел говорить с кем-то в присутствии жены. Благогородно.

– Привет, Тонь. Сколько лет... Ты теперь Лепехина? Дочка твоя тут у меня на кухне. Уверяет, что она и моя тоже. Что ты ей наговорила? Плохо слышно, говори громче. Как есть, так и рассказала? Иди ты. Надо же. А как вы адрес раздобыли? Угу. Понятненько. Да нет, все нормально. Бывай.

Леонид нажал на кнопку «отбой» и постоял молча, не глядя на Валерию. Потом произнес:

– Я с Тоней Жабиной встречался после школы. Теперь она Лепехина, вышла замуж и поменяла фамилию.

– И что? – не разжимая губ, поинтересовалась Лера.

– Ничего, – прячась за раздражением, ответил Леонид. – Поблагодарила, что сообщил, где Юля. Говорит, что волновалась.

– А откуда у них твой адрес? – спросила мужа Валерия, и ему показалось, что спросила брезгливо.

«Как же все гадко складывается», – подумал Леонид и решил ее тон не заметить.

– Помнишь Вадьку Макарова? – спросил он жену, оживляясь. – Который к нам осенью заезжал с вялеными бычками и самогоном? Ты еще поразилась, что первач в трехлитровую банку

закатан. Макаров ей адрес дал. Я так понял, что девочка решила к нам приехать, никого в известность не поставив.

– Не к нам, а к тебе, – желчно произнесла Лера и встала.

Треснуть его по башке хотелось невыносимо. И пенделя под зад дочурке. Но ни того, ни другого она не сделала.

– Папа дома?

– Поздороваться не хочешь? – поинтересовалась Лера, не сдвинувшись с места. – Леонид Николаевич по делам уехал.

Девчонка протиснулась мимо Валерии внутрь квартиры и, разбросав посреди холла чумазые балетки, отправилась путешествовать по апартаментам.

– Круто у вас! Папа, наверное, неплохо зарабатывает. Вы не думайте, я ни на что не намекаю, у нас все есть. Просто мамка совершенная кукушка, я от нее жутко устала.

– Ты же взрослая уже. Зачем тебе мать-наседка? – спросила Лера, останавливаясь на пороге гостиной и следя за всеми передвижениями Лёнькиной дочки.

– Это вы правы. Сейчас меня это мало колышет. А раньше я страдала.

Валерия, услышав это «страдала», хмыкнула.

– Вы напрасно смеетесь, Валерия Львовна. Она же у меня актриса, в драмтеатре нашем выступает. Утром репетиция, вечером спектакль, а то и днем еще. Домой поздно приходила. Приходит. Мы с папкой, то есть, с дядей Сережей, ее иногда целыми днями не видели. Я его папкой звала, пока мамка не призналась, кто мой настоящий отец. А потом папке надоело, и он вообще от нас ушел. Потом с мамулей мы одни жили. А недавно она опять свою жизнь